

Самуиль Пуфендорфъ *).

(1632—1694).

Тридцатилѣтняя война опустошила Германію, разрушила благотѣльные результаты энергической пропаганды гуманистовъ. Глубокое невѣжество, жестокость, необузданный произволъ охватили несчастную страну. Всѣмъ извѣстно, что переносилъ въ это время германскій народъ, какъ поникла германская философская и научная мысль. Тамъ, гдѣ еще недавно раздавалась проповѣдь любви и вѣротерпимости, гдѣ выставлялись царственныя права разума, теперь беспощадно преслѣдовали еретиковъ и жгли вѣдьмъ. Епископъ вюрцбургскій, Филиппъ Адольфъ фонъ Эренбергъ, въ три года сжегъ въ своемъ маленькомъ княжествѣ 900 вѣдьмъ, въ число которыхъ попали и маленькія дѣвочки. Университеты продолжали существовать, но студенты и профессора одичали и всего менѣе занимались наукою. Буйство, кровавыя столкновенія въ средѣ студенчества и съ мирными жителями стали обычными явленіями. Такъ, въ 1644 году и затѣмъ въ 1660 году въ Іенѣ студенты поднимаютъ настоящій бунтъ, убиваютъ товарищей, выступавшихъ противъ жестокаго обращенія съ новичками, вооруженною силой нападаютъ на городскихъ властей. Герцогъ веймарскій, Вильгельмъ IV, вынужденъ былъ послать

*) Рефератъ читанный въ Московскомъ Психологическомъ Обществѣ, 5-го ноября 1894 г.—въ память двухсотлѣтія смерти Пуфендорфа.

войска для усмиренія студентовъ *). Съ другой стороны, въ это время требуются серьезныя угрозы, чтобы заставить профессоровъ посѣщать университетъ: многіе изъ нихъ по цѣлому году не читали лекцій.

И вотъ, въ такое-то мрачное время раздается голосъ мыслителя въ защиту поправленныхъ правъ человѣческой личности, въ защиту *естественнаго права*.

Греческіе и римскіе стоики и римскіе юристы выступали уже съ подобнаго рода идеями, особенно точно сформулированными у юристовъ древняго Рима. Гай говоритъ, что естественный разумъ устанавливаетъ право между людьми. Ульпіанъ сводитъ предписанія этого разума, этой естественной справедливости къ извѣстнымъ тремъ положеніямъ: жить достойно, не оскорблять другихъ, каждому воздавать свое **).

Въ новое время съ разсужденіями объ естественномъ правѣ выступили Боденъ и Альтузій. Для Бодена основою государственно-общественной жизни являлся договоръ, которымъ народъ передаетъ государю, разъ навсегда, неограниченную власть; для Альтузія такой договоръ передаетъ государю лишь полномочіе на власть, верховная же воля остается за народомъ ***).

Въ 1625 году вышло въ Парижѣ знаменитое сочиненіе Гуго Гроція: *О правѣ войны и мира*. Въ немъ ученіе объ естественномъ правѣ, которое основывается на разумѣ и на общежительной склонности человѣка, получило обстоятельное и систематическое развитіе. А въ 1642 году Пуфендорфъ, для котораго въ 1661 году была впервые учреждена въ Гейдельбергскомъ университетѣ кафедра естественнаго и международнаго права, выпускаетъ въ свѣтъ свой главный

*) *Richard. Keil und Robert Keil: Geschichte des Ionaischen Studentenlebens*, 117—120, и др. Ср. *Raumer: Geschichte der Pädagogik, vierter Theil, Die deutschen Universitäten*, 33—49.

**) *Аренсъ (Юридич. Энцикл., 42)* говоритъ, что римскіе юристы признавали естественнымъ правомъ то, чему природа научила всѣхъ животныхъ. Ср. опроверженіе этого взгляда у Н. П. Боголѣпова: *Значеніе общенароднаго гражданскаго права въ римской классической юриспруденціи*, 48 и др.

***) Ср. *Ибервейгъ-Гейнце: Исторія новой философіи*, 39, 42.

трудъ: *О правѣ естественномъ и общенародномъ*. Оно выходитъ первоначально на латинскомъ языкѣ, переводится на французскій, нѣмецкій, итальянскій и англійскій языки. Въ 1726 году оно появляется и по-русски въ переводѣ архимандрита Бужинскаго. Знакомства съ этимъ сочиненіемъ требуетъ отъ cadaго образованнаго человѣка Джонъ Локкъ въ своихъ *Мысляхъ о воспитаніи* *). Французскій переводчикъ трактата Пуфендорфа, лозанскій профессоръ Барбейракъ, приводитъ свидѣтельства о томъ, какой значительный успѣхъ имѣло это сочиненіе у современниковъ **).

Самуиль Пуфендорфъ родился въ 1632 году, скончался двѣсти лѣтъ тому назадъ, 26 октября. Жизнь онъ вель подвижную и тревожную. Онъ занимался сначала богословіемъ, потомъ, подъ влияніемъ картезіанца профессора Вейгеля, математикою и естественнымъ правомъ. Мѣста на родинѣ (Пуфендорфъ былъ сынъ сельскаго священника близъ Хемница, въ Саксоніи) молодой ученый не получилъ, потому что, по его выраженію, *дать дѣлу толчокъ блестящимъ металломъ* онъ не могъ, гнуть спину—не хотѣлъ. Пуфендорфъ поступаетъ домашнимъ учителемъ къ шведскому посланнику въ Копенгагенѣ; но между Швеціей и Даніей скоро загорается война, и нашъ философъ задерживается плѣнникомъ. Свой невольный досугъ онъ употребляетъ на латинское сочиненіе объ элементахъ общаго ученія о правѣ, которое появляется въ Гагѣ въ 1660 году. Послѣ этого онъ и былъ приглашенъ въ Гейдельбергскій университетъ. Здѣсь онъ написалъ, подъ псевдонимомъ, книгу о современном положеніи Германской имперіи. Книга эта остроумно, зло и въ весьма мрачныхъ краскахъ изображала и политическій строй, и общественные нравы его отечества. Она вызвала

*) Русскій переводъ П. Вейнберга, 211.

***) *Le droit de la nature et des gens etc. par Jean Barbeyrac, professeur en droit et en histoire à Lausanne*. Первое изданіе вышло въ 1706 году, второе—въ 1712. Для изложенія ученія Пуфендорфа я пользуюсь этимъ послѣднимъ, свѣряя его съ *Исторіей политическихъ ученій* Б. Н. Чичерина (II, 137—172). Ср. Блунчли: *Исторія общаго государственнаго права и политики*, русск. пер., 94—115; Lippert: *Pufendorf (Handwörterbuch der Staatswissenschaften, 26 Lieferung)*.

ожесточенныя преслѣдованія со стороны духовныхъ и свѣтскихъ властей и получила быстрое распространеніе по всей Европѣ, въ особенности, конечно, въ Германіи. Блунчли говоритъ, что въ этомъ сочиненіи «Пуфендорфъ первый разбилъ тѣсныя рамки схоластической ортодоксіи, которая такъ же злоупотребляла ложно понятымъ авторитетомъ Аристотеля, какъ богословская ортодоксія—авторитетомъ Библии, и далъ болѣе свободное движеніе историческому изслѣдованію и философской критикѣ».

Устройство тогдашней Германіи Пуфендорфъ находилъ чудовищнымъ: это и не монархія, и не союзное государство; путаница проникаетъ отношенія между императоромъ, отдѣльными государями, вольными городами и сословіями. Положительное право въ Германіи есть право сильнаго. Вслѣдствіе этихъ причинъ разрушается благосостояніе нѣмецкаго народа и низко стоитъ международное значеніе имперіи.

Пуфендорфъ указываетъ и на средства исцѣленія. Власть императора должна быть ограничена законами и постояннымъ совѣтомъ. Религіозныя распри, отъ которыхъ такъ тяжело страдала Германія, должны быть прекращены предоставленіемъ и католикамъ, и протестантамъ совершенно одинаковыхъ правъ. Школу слѣдуетъ отнять у фанатиковъ и отдать въ руки умѣренныхъ и терпимыхъ людей. Громадныя имущества, принадлежавшія монастырямъ и вообще духовенству, Пуфендорфъ совѣтовалъ секуляризировать.

Пуфендорфъ впоследствии открылъ свой псевдонимъ. Ему пришлось выдержать горячую полемику съ озлобленными защитниками существовавшаго строя. Съ курфюрстомъ пфальцскимъ, который пригласилъ его въ Гейдельбергъ, свободолюбивый мыслитель, твердо отстаивавшій свое личное достоинство, долго не могъ ужиться. Слава Пуфендорфа была въ это время уже велика, и король шведскій Карлъ XI предложилъ ему въ 1670 году профессуру въ Лундскомъ университетѣ. И здѣсь пришлось ему бороться съ ненавистью и злобою фанатическихъ, успѣвшихъ стать врагами свободного изслѣдованія, протестантскихъ богослововъ.

Лундъ былъ взятъ датчанами. Тогда король призвалъ Пуфендорфа въ Стокгольмъ на должность исторіографа. Въ 1688 году онъ отправился по приглашенію бранденбургскаго курфюрста Фридриха Вильгельма въ Берлинъ, гдѣ и оставался до кончины.

Какое же нравственно-юридическое ученіе противопологалъ Пуфендорфъ возмутительнымъ порядкамъ Германіи и и дикимъ воззрѣніямъ своихъ современниковъ-богослововъ политиковъ и ученыхъ?

Нравственныя существа, говоритъ онъ, находятся или въ естественномъ состояніи, или въ состояніи случайномъ (*adventitius, état accessoire*). Естественное состояніе называется такъ потому, что оно сопровождаетъ человѣка съ момента его рожденія, независимо отъ его воли, чисто по божественному установленію. Этому состоянію противъ полагается состояніе, въ которомъ живутъ животныя. Человѣкъ поэтому обладаетъ, какъ таковой, правами и несетъ обязанности. Обязанности возникаютъ съ разумѣніемъ, когда человѣкъ уже можетъ сравнивать свои дѣйствія съ извѣстными правилами; права же присущи даже неродившемуся еще ребенку, который въ послѣдствіи можетъ поэтому преслѣдовать лицъ, косвенно принесшихъ ему вредъ или оскорбленіе въ это время.

Въ естественномъ состояніи люди никому не подчинены, не дѣлаютъ другъ другу ни добра, ни зла. На этомъ состояніи строятся человѣческія учрежденія. Мораль имѣетъ предметомъ правильность человѣческихъ дѣйствій по отношенію къ законамъ, а политика управляетъ нашими дѣйствіями и дѣйствіями другихъ въ интересахъ безопасности и общественной пользы. Задачею своего труда Пуфендорфъ ставитъ познаніе того, что правильно или неправильно, хорошо или дурно, справедливо или несправедливо въ человѣческихъ дѣйствіяхъ. Факеломъ намъ служить разумъ, каждый актъ нашей воли имѣетъ принципомъ этотъ разумъ (*entendement*). Желаютъ лишь того, что знаютъ (*ignoti nulla cupido*). Каждый человѣкъ можетъ понять и главные принци-

ны естественнаго права, и ихъ отношеніе къ разумной и общественной природѣ человѣка.

Воля въ указанномъ смыслѣ заключаетъ въ себѣ самопроизвольность и свободу (*spontanéité et liberté*): она повинуется въ нравственномъ отношеніи закону, который, по опредѣленію Пуфендорфа, есть *воля высшаго*.

Такое опредѣленіе приводитъ къ противорѣчіямъ, на которыя указывали критики Пуфендорфа, начиная съ Лейбница: Пуфендорфъ называетъ законъ предписаніемъ власти, а для самой власти требуетъ правомѣрнаго основанія, т.-е. сообразности съ закономъ.

Обязанность, продолжаетъ Пуфендорфъ, и право предписывать законы другому — отнюдь не можетъ основываться на силѣ: обязанность предполагаетъ извѣстные доводы и побужденія, которыя дѣйствуютъ на человѣка. Законъ, по своему происхожденію, различается какъ божественный и какъ человѣческій, по содержанію — какъ естественный и положительный. Естественный законъ — тотъ, который настолько необходимъ разумной и общительной природѣ человѣка, что безъ его соблюденія было бы невозможно честное и мирное общество людей. Этотъ законъ имѣетъ внутреннее свойство приносить пользу роду человѣческому. Положительный законъ основывается на волѣ законодателя. Такое различіе Пуфендорфъ прилагаетъ, впрочемъ, лишь къ законамъ божественнымъ, законы же человѣческіе, строго говоря, всѣ положительны, т.-е. имѣютъ въ виду пользу не всего рода человѣческаго, а того или другого общества и притомъ въ опредѣленное время.

Безусловная свобода была бы вредна для человѣческой природы. Въ интересахъ нашего самосохраненія она должна быть ограничена закономъ. Свобода — это внутренняя способность поступать такъ или иначе по собственному сужденію. Только абсолютное существо, т. е. Богъ, обладаетъ и абсолютною свободою. Люди отличаются такимъ разнообразіемъ желаній и способностей, что они представляли бы ужасающій хоръ, если бы законъ не устанавливалъ среди

нихъ прекрасной гармоніи. Пуфендорфъ указываетъ, что законы требуютъ и слабость человѣка. Животное вскорѣ послѣ рожденія уже можетъ добывать себѣ пищу и защищать себя, тогда какъ ребенокъ долгое время требуетъ неустанныхъ попеченій. Въ общежитіи человѣкъ былъ бы самымъ несчастнымъ существомъ. Никакое общество не бываетъ однако безъ власти, такъ что эту власть слѣдуетъ признать вещью естественною. Пуфендорфъ замѣчаетъ по этому поводу, что естественная свобода подчинена естественнымъ законамъ и божественному авторитету, и при этомъ условіи свобода, исключая всякій человѣческій авторитетъ, не противостоитъ природѣ.

Естественное состояніе, въ противоположность Гоббсу, Пуфендорфъ признаетъ мирнымъ: руководимые естественнымъ разумомъ, люди не дѣлаютъ вреда другъ другу, даже поддерживаютъ другъ друга. Но миръ естественнаго состоянія не проченъ. Даже ученіе Христа, все проникнутое миромъ, прощеніемъ, презрѣніемъ къ богатству и земному величію, не изгнало еще изъ среды христіанъ предательства, войны, преслѣдованія за еретическія мнѣнія и т. д.

Дѣйствія, сообразныя съ закономъ естественнымъ, не только достойны, но и по-истинѣ полезны, т.-е. прочно увеличиваютъ счастье человѣка. Полезно не то, что признается таковымъ преходящими страстями, а то, что опирается на разумъ и сообразно съ будущимъ. Въ этомъ отношеніи естественное право отличается отъ гражданскаго, законы котораго имѣютъ второстепенное значеніе, гдѣ различія между націями и интересами вызываютъ различія и въ правѣ.

Принципы естественнаго права раскрываются просвѣщеннымъ разумомъ. Они не прирождены намъ, какъ идеи, — это предположеніе лишено всякаго основанія, — а входятъ раздѣльно и ясно въ наше сознаніе подъ вліяніемъ размышленія, практики, общежитія. При этомъ методически доказывать предписанія естественнаго закона могутъ сравнительно немногіе, но понять эти доказательства въ состояніи всѣ люди.

Человѣку врождено стремленіе къ самосохраненію и благополучію. Этотъ эгоизмъ—естественный—Пуфендорфъ беретъ какъ отправной инстинктъ. Общее благо, замѣчаетъ онъ, есть въ частности и мое благо; наши же интересы всего лучше могутъ быть охраняемы нами самими. Въ виду общности человѣческихъ интересовъ основной законъ естественнаго права можетъ быть формулированъ слѣдующимъ образомъ: каждый въ мѣру силъ долженъ стремиться къ установленію и поддержанію мирнаго общенія со всѣми другими, сообразно съ конституціей и ставя цѣлью благо всего рода человѣческаго. Такимъ образомъ общежительность (*sociabilité*) соединяется съ любовью къ самому себѣ (*amour propre*, по терминологіи переводчика). Правильное размышленіе научаетъ, что ради нашего самосохраненія мы не должны пренебрегать интересами другихъ: наша безопасность и счастье зависятъ отъ содѣйствія и благосклонности другихъ людей. Такъ какъ законъ есть предписаніе высшаго, то и естественный законъ потому лишь обязателенъ для всего человѣчества, что онъ есть предписаніе Божества, раскрываемое собственнымъ разумомъ человѣка.

Содержаніе естественнаго права распадается на обязанности по отношенію къ себѣ самому и на обязанности по отношенію къ другимъ. Послѣднія подраздѣляются на безусловныя и условныя. Человѣкъ долженъ заботиться о собственномъ совершенствованіи не въ своихъ только интересахъ, но и потому, что такая работа надъ естественными дарованіями послужитъ на пользу всему роду человѣческому, дѣлаетъ человѣка достойнымъ гражданиномъ вселенной. Нужно, чтобы каждый своевременно выбиралъ себѣ честный, полезный и соотвѣтствующій способностямъ трудъ.

Изъ обязанностей по отношенію къ другимъ двѣ, безусловныя, стоятъ на первомъ планѣ: не вредить другимъ, исправлять причиненный вредъ. Это находится въ неразрывной связи съ признаніемъ всѣхъ людей естественно равными, одинаково достойными уваженія. Вслѣдствіе этого

мы не можемъ ограничиться по отношенію къ нимъ отрицательными правилами, а должны посильно содѣйствовать ихъ благу.

Разсмотрѣвши разные виды обязательствъ, потомъ семью, Пуфендорфъ приступаетъ къ изложенію своего ученія о государствѣ.

Что побуждаетъ людей, жившихъ отдѣльными семьями, соединиться подъ общимъ правительствомъ, образовать государство? Человѣкъ—существо общежительное; его способности и влеченія удовлетворяются только въ обществѣ или государствѣ. Но вступая въ него, человѣкъ становится гражданиномъ, теряетъ естественную свободу, подчиняется верховной власти, и это необходимо потому, что люди обладаютъ многими пороками и должны воспитываться въ обществѣ для безкорыстной дѣятельности, для мирнаго общенія въ цѣляхъ преуспѣянія. Въ обществѣ люди обезпечиваютъ себя, устанавливая государственную власть, отъ взаимной недоброжелательности.

Для того, чтобы люди съ различными склонностями и интересами образовали прочное общество, необходимо единеніе воли, формирующее единую волю цѣлаго общества, а для противодѣйствія отдѣльнымъ попыткамъ нарушенія общей воли необходима верховная власть, поддерживаемая достаточными силами. Въ основѣ государства лежитъ свободный договоръ жившихъ въ естественномъ правѣ людей, причемъ они даютъ свое согласіе подчиняться государственной власти или безусловно, или съ ограниченіями. Установивши форму правленія, граждане другимъ договоромъ выбираютъ одно или нѣсколькихъ лицъ, которыхъ уполномочиваютъ управлять государствомъ, или же власть эта предоставляется собранію. Пуфендорфъ опровергалъ мнѣнія тѣхъ писателей, которые утверждаютъ, что верховная власть государя устанавливается не народною волею, а непосредственно волею Божіей. Въ трактатѣ Пуфендорфа мы находимъ далѣе намеки на раздѣленіе властей.

Нельзя не отмѣтить слѣдующаго мнѣнія германскаго мысли-

теля: суверенитетъ можетъ быть пріобрѣтенъ силою, но для законности завоеванія необходимо справедливое основаніе для войны и договоръ между побѣдителемъ и побѣжденными. Въ противномъ случаѣ, насильственно присоединенные находятся еще въ состояніи войны и не могутъ быть подданными завоевателя.

Предлагая подданнымъ не возставать противъ монарха въ случаѣ его несправедливости и притѣсненій, а спасаться отъ него въ другое государство, Пуфендорфъ верховнымъ закономъ для самихъ монарховъ ставитъ народное благо.

Въ сочиненіяхъ Пуфендорфа встрѣчаются и вполнѣ ошибочныя идеи, и неясности, и противорѣчія. Геніальнымъ мыслителемъ онъ не былъ, но слѣдъ, оставленный его дѣятельностью въ наукѣ и въ исторіи просвѣщенія, великъ и благодѣтеленъ. Въ грубое время торжества силы и поклоненія факту онъ горячо и настойчиво защищаетъ права человѣческаго разума и достоинство человѣческой личности. Власть правительства выводилась имъ изъ добровольнаго соглашенія, и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда формою правленія была абсолютная монархія, власть эта ограничивалась признаніемъ естественныхъ и неотчуждаемыхъ правъ человѣка-гражданина. Къ числу этихъ правъ принадлежитъ свобода вѣроисповѣданія. Опровергая нападенія протестантскихъ богослововъ, которые признавали сочиненія Пуфендорфа еретическими и выхлопывали ихъ запрещенія, Пуфендорфъ писалъ, что долгъ гуманности связываетъ всѣхъ людей, и естественное право есть дѣло всего человѣчества.

Двѣсти лѣтъ прошло со смерти нѣмецкаго мыслителя, и для Германіи его идеи и борьба имѣютъ теперь только историческое значеніе. Мы, русскіе, познакомились съ нѣкоторыми изъ идей Пуфендорфа еще въ первой половинѣ XVIII вѣка. Невозможно предположить, чтобы переводъ архимандрита Бужинскаго не заронилъ хотя бы нѣсколькихъ искръ справедливости и гуманности. Наши философы и юристы знакомились потомъ за границей и дома съ сочиненіями западно-европейскихъ мыслителей, и въ общемъ

потокъ этого вліянія почетное мѣсто занималъ и Пуфендорфъ. Отсюда вытекаетъ нравственная обязанность помянуть добрымъ словомъ, въ день двухсотлѣтія его кончины, этого неутомимаго искателя истины, этого мужественнаго защитника справедливости и гуманности. Неблагодарность, писалъ Пуфендорфъ, постыднѣе и презрѣннѣе несправедливости *). Этого упрека мы не заслуживаемъ: мы помнимъ и чтимъ мыслителя, который въ эпоху кровавыхъ войнъ и буйнаго, безжалостнаго произвола говорилъ, что сладость свободы такъ велика и ея преимущества такъ значительны, что ничто въ мірѣ съ нею не сравняется **).

В. Гольцевъ.

*) „Le droit de la nature“, I, 346.

***) Ibid, II, 4.